

ИССЛЕДОВАНИЯ

doi.org/10.31912/rjano-2021.2.1

С. С. САЙ

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
serjzhka@yahoo.com

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЕКСТАХ ПУШКИНА*

Статья посвящена дистрибуции полипредикативных причинных конструкций в текстах Пушкина. В качестве фона рассматриваются тексты современников Пушкина и авторов других эпох, представленные в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru). Частотность эксплицитных причинных маркеров (*ибо*, *потому что*, *ведь* и др.) у Пушкина оказывается заметно ниже, чем у других авторов, особенно более ранних. По частотности употребления отдельных показателей причины Пушкин не был выраженным новатором, а в художественной прозе был даже умеренным архаистом. Новаторство Пушкина состояло в первую очередь в том, что в его текстах выбор между причинными маркерами в меньшей степени, чем у современников, определялся жанровыми законами (например, противопоставлением прозы и стихов). Таким образом, Пушкин способствовал формированию единой системы причинных показателей русского литературного языка, дистрибуция которых прежде всего определяется семантическими и синтаксическими факторами.

Ключевые слова: причинные конструкции, союзы, Пушкин, диахрония, корпус, русский язык XIX в., проза и поэзия.

1. Постановка задачи

Выбор между русскими причинными союзами (*потому что*, *ибо*, *так как* и др.) часто диктуется лишь вероятностными закономерностями, а не жесткими правилами грамматики. Так, в примере (1) использовано два причинных союза — *потому что* и *ибо*, — при этом, как кажется, ничто не препятствовало бы их перестановке или замене другими единицами.

* Исследование выполнено в рамках проекта «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология» (руководитель — В. С. Храковский), поддержанного грантом РНФ № 18-18-00472. Я признателен Н. М. Заике, И. Б. Иткину, М. А. Овсянниковой, А. Ю. Русакову и двум анонимным рецензентам за высказанные ими замечания, которые я учел при редактировании статьи. Ответственность за возможные неточности и ошибки остается на мне. В кратком виде некоторые из предлагаемых здесь идей были представлены в [Сай 2020].

- (1) С С.⟨оллогуб⟩ я не кокетничаю, **потому что** и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствам тебе известным, не еду к тебе по делам, **ибо** и печатаю П.⟨угачева⟩, и закладываю имения, и вожусь, и хлопочу ⟨...⟩ (Письмо Н. Н. Пушкиной, 11 июля 1834 г.) [ППЛ: 61]¹.

Вероятностные закономерности выбора союзов не совпадают у разных носителей и меняются со временем, что делает изучение **дистрибуции** причинных союзов чрезвычайно интересной задачей. Здесь такая дистрибуция будет проанализирована на ограниченном по объему, но важном для русского языка материале — в текстах Пушкина. Эта задача предполагает обращение как минимум к трем измерениям — историческому, стилистическому и функциональному.

С исторической точки зрения тексты Пушкина можно рассматривать как отдельную точку в синхронном² срезе динамических процессов, происходивших в русском языке.

Стилистическое измерение важно потому, что причинные союзы различались (и различаются) по своей окраске, что косвенно проявляется и в различной представленности союзов в текстах разных регистров и жанров. Фокусирование внимания именно на Пушкине в этом смысле потенциально выигрышно: жанровое разнообразие его сравнительно небольшого по объему наследия исключительно, и при этом Пушкин оказал значительное влияние на развитие едва ли не всех жанров, которых касался. Помимо этого, интересно понять, насколько выбор языковых средств в текстах Пушкина отражал его сознательную позицию в современной ему полемике о языке литературы, т. е. в спорах между классицистами и романтиками, между теми, кого в последующие эпохи стали называть архаистами/шишковистами и новаторами/карамзинистами.

Под функциональным измерением можно понимать все факторы, связанные с семантикой и прагматикой причинных маркеров, а также с их большей или меньшей употребительностью в различном синтаксическом окружении. Это измерение органически увязывается с предыдущими, если признать, что «главным нервом грамматической реформы Пушкина был синтаксис» [Виноградов 1941b: 567].

В этой статье основное внимание будет уделяться двум первым аспектам — историческому и стилистическому, а семантико-синтаксические характеристики причинных союзов в текстах Пушкина будут затронуты очень кратко и должны стать предметом отдельного рассмотрения.

¹Здесь и далее письма Пушкина, написанные до 1834 г., цитируются по [Письма], письма 1834–1837 гг. — по [ППЛ], а все остальные произведения — по [АПСС] с сохранением особенностей передачи текста, принятых в этих изданиях. Пропуски помечены знаком ⟨...⟩. Выделение полужирным шрифтом принадлежит мне.

²Эволюция языка Пушкина от ранних текстов к поздним здесь рассматриваться не будет, см. об этом, например, [Тынянов 1926/1968; Виноградов 1935].

Структура оставшихся частей статьи следующая. В разделе 2 описывается процедура сбора и разметки данных. В разделе 3 обсуждается общая частотность причинных маркеров в текстах Пушкина и имплицитные средства выражения причинных отношений. Раздел 4 посвящен различиям между текстами разных типов; кроме того, тексты Пушкина сопоставляются в нем с текстами других авторов и эпох. В разделе 5 представлены краткие «портреты» отдельных причинных маркеров, используемых Пушкиным. Итоги исследования подводятся в разделе 6.

2. Сбор и обработка данных

Объект рассмотрения ограничен **полипредикативными** причинными конструкциями (в терминах [Заика 2019]) с **эксплицитными** маркерами. За рамками рассмотрения остаются а) именные причинные конструкции (в смысле, принятом в [Say 2021]), ср. *молчал из вежливости, от радости проболтался* или *пишу коротко и холодно по обстоятельствам тебе известным* из примера (1), б) конструкции следствия, а также в) такие конструкции, в которых причинная связь между клаузами не маркирована союзом или какой-либо единицей, близкой по свойствам к союзу, как в (2).

- (2) Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна. (Письмо М. А. Корфу, 14 октября 1836 г.) [ППЛ: 153].

Источником для первичного сбора материала послужил Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ; www.ruscorpora.ru; период обращения — февраль 2020 г.). В основном и поэтическом корпусах НКРЯ представлено подавляющее большинство написанных на русском языке прозаических и поэтических текстов Пушкина.

В качестве отправной точки при работе с корпусом использовались запросы со всеми эксплицитными маркерами причины, названными в [Пекелис 2017: 57–62]³. В общей сложности поиск велся по 33 различным единицам⁴, а соответствующие «грязные» выдачи позволили получить предварительные количественные показатели частотности причинных маркеров.

³ Использовались максимально «широкие» запросы: например, для поиска вхождений союза *затем, что* в запрос включалось только слово *затем*. Такой метод позволял собрать вхождения, отличающиеся от наиболее распространенных, например, нестандартным порядком слов, но одновременно увеличивал и долю «мусора» в получаемых («грязных») выдачах («мусор» приходилось отсеивать вручную, см. далее). Учитывалось и то, что некоторые тексты представлены в НКРЯ в дореформенной орфографии.

⁴ Из списка для поиска был исключен союз *как*, для которого причинное упоминание возможно, но нечастотно: (...) *а как дорога шла около контрэскарпа, то*

Далее скачанные выдачи⁵ обрабатывались вручную: удалялись цитаты из других текстов, дословные самоповторы и примеры, где ключевые слова не выражали причинное значение («мусорные» примеры). В результате были получены «чистые» выборки; в них зафиксировано 14⁶ разных маркеров причины: *благо, бо, ведь, для того, чтоб, зане, затем, что, ибо, оттого, что, под предлогом, что, поелику, понеже, потому что, так как, тем более что*⁷.

Можно видеть, что в приведенный список, наряду с несомненными подчинительными союзами — *потому что, так как, зане*, — вошли и союзы, скорее обладающие свойствами сочинительных (*ибо, благо*), и показатель *ведь*, который «по своим свойствам сближается с частицей» [Там же: 61]. Для решения поставленных задач ни точный синтаксический статус единиц, ни критерии его определения не играют принципиальной роли.

Итоговая «чистая» выборка включает в себя 427 примеров. Их распределение показано в Таблице 1.

Примеры, включенные в «чистую» выборку, сверялись по авторитетным изданиям [АПСС; Письма; ППЛ] и размечались по жанровым, семантическим, дискурсивным и синтаксическим параметрам. На верхнем уровне классификации тексты были разделены на три типа (их разграничение следовало разметке НКРЯ): нехудожественная проза, художественная проза и стихи. Вручную размечались такие параметры, как тип причинного отношения, разделение прямой и авторской речи, линейный порядок клауз, позиция маркера, наличие линейных разрывов, маркеров отрицания и фокусирования, наличие кореферентных отношений между актантами клауз и т. д. (эти параметры привлекаются к обсуждению в разделе 5, но систематический их анализ — тема отдельной работы).

расставленные на валу часовые закричали ему, чтоб он мимо крепости не ездил <...> (История Петра: подготовительные тексты). Для этого союза анализ частотности причинных употреблений был бы технически затруднителен, но см. примеры в [Булаховский 1954: 396–398].

⁵ В некоторых случаях НКРЯ не позволяет скачать полные выдачи, но соответствующие потери на небольших выдачах незначительны.

⁶ Для многих современных причинных показателей, по которым велся поиск, причинных употреблений в текстах Пушкина не обнаружилось: *раз, по причине того, что, благодаря тому, что, поскольку* и т. д.

⁷ Здесь и далее изолированные показатели цитируются в дефолтном — наиболее частотном в современном языке — написании. В реальных примерах наблюдается вариативность, орфографическая и пунктуационная (например: *оттого, что* и *отъ того что, потому что* и *потому, что*; кстати говоря, не всегда ясно, отражает ли такая вариативность колебания в оригинальных текстах или расхождения в эдиционных принципах), а также синтаксическая (например, *потому, что* и *потому, чтобы* — здесь для простоты такие реализации рассматриваются как варианты одного показателя). Помимо этого, в двухчастных маркерах компоненты могут располагаться дистантно.

Таблица 1

**Абсолютная частотность показателей причины в текстах Пушкина:
«чистая» выборка**

показатель	вхождений		показатель	вхождений
<i>ибо</i>	148		<i>благо</i>	3
<i>потому что</i>	146		<i>под предлогом, что</i>	3
<i>ведь</i>	77 ⁸		<i>бо</i>	2
<i>так как</i>	20		<i>понеже</i>	2
<i>оттого, что</i>	10		<i>зане</i>	2
<i>затем, что</i>	7		<i>для того, чтоб</i>	1
<i>тем более что</i>	5		<i>поелику</i>	1

Приводимые далее сведения об относительной частотности маркеров в текстах Пушкина основаны на подсчетах по «чистой» выборке. Однако использовать такой путь для анализа текстов других авторов было бы чрезмерно трудоемко — это предполагало бы ручную разметку десятков тысяч примеров. По этой причине данные в таблицах, где Пушкин сопоставляется с другими авторами, основаны на «грязных» выдачах, в том числе и для Пушкина. При изучении динамики частотностей подсчеты велись по следующим периодам: от 1739 до 1789 г.; от 1790 г. до начала деятельности Пушкина; эпоха современников Пушкина⁹; от конца деятельности Пушкина до 1860 г.; от 1861 до 1900 г.; «современный» период, к которому условно были отнесены тексты, созданные между 1980 и 2020 гг.

3. Эксплицитные и имплицитные средства

Итак, «чистая» (и в меру возможности полная) выборка полипредикативных причинных конструкций с эксплицитными маркерами у Пушкина насчитывает 427 примеров. Много это или мало? Первый шаг к ответу на этот вопрос — подсчет относительной частотности в ipm (items per million, случаев на миллион словоупотреблений) и сопоставление текстов Пушкина с текстами его современников и авторов других эпох. Поскольку в нехудожественной прозе причинные союзы встречаются чаще, чем в художе-

⁸ Из этого числа 44 контекста были оценены как собственно причинные, а еще 33 попали в категорию «промежуточных», см. обсуждение в разделе 5.4. Как «промежуточный» был расценен также один из контекстов с *так как*.

⁹ Текстами «современников» Пушкина для нехудожественной прозы считались тексты, созданные в 1817–1837 гг., для художественной прозы — в 1824–1836 гг., а для стихов — в 1813–1836 гг.

ственной, а в прозе вообще — чаще, чем в стихах, подсчеты велись по отдельности для трех типов текстов¹⁰. Результаты подсчетов представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Суммарная частотность избранных показателей причины в текстах Пушкина и других авторов (ipm; «грязные» выдачи)

период	нехудож. проза		худож. проза		стихи	
	Пушкин	другие	Пушкин	другие	Пушкин	другие
1739–1789		2674		2412		844
1790–П.		2746		1669		545
эпоха П.	1336 ¹¹	2787	899	1657	373	440
П.–1860		2653		2709		906
1861–1900		3265		3303		900
1980–2020		1881		2356		1582

Поскольку для подсчетов использовались «грязные» выдачи (см. обсуждение в конце раздела 2), сами приведенные значения частотности во всех случаях несколько выше реальных¹² и в изолированном виде обсуждаться не будут. Интереснее сопоставление периодов друг с другом: оно показывает среди прочего, что в эпоху Пушкина частотность маркеров причины в художественных текстах была невысока¹³. Однако самое существенное наблюдение состоит в том, что во всех трех типах текстов Пушкин использует эксплицитные показатели причины еще **реже** (в прозе —

¹⁰ Данные для «других» авторов в Таблице 2 были получены на материале подкорпусов, для которых время создания и тип текста использовались как фильтры. Для «других» авторов эпохи Пушкина из полученных абсолютных частот вычитались данные о встречаемости маркеров у Пушкина.

¹¹ Абсолютное распределение 427 примеров в «чистой» выборке из текстов Пушкина следующее: в нехудожественной прозе — 270 случаев, в художественной прозе — 96 и в стихах — 61.

¹² Эта проблема была бы особенно остра для полифункциональных маркеров, для которых причинные употребления редки. Поэтому здесь приведена суммарная частотность нескольких показателей, у которых причинные употребления составляют значительную долю: *ведь, зане, затем, ибо, оттого, потому, так как*. Этот короткий список покрывает все показатели, которые сколько-нибудь регулярно используются у Пушкина как причинные. Для них оценка частотности, основанная на грязных выдачах, оказывается завышена примерно в 1,2–1,5 раз.

¹³ О «чистке союзов» в эпоху после Карамзина см., например, [Виноградов 1941a: 271–273]; динамика частотности союзов после эпохи Пушкина — тема отдельного рассмотрения.

значительно реже), чем его «усредненные» современники. Теоретически такая картина может объясняться тематической структурой текстов (скажем, редкостью объяснительных пассажей). Однако, думается, что выявленная закономерность по крайней мере отчасти касается собственно грамматики и связана с **экономией** языковых средств.

Яркое свидетельство в пользу такой интерпретации — редакторская работа самого Пушкина. Сопоставление черновых и беловых вариантов писем показывает¹⁴, что если какие-то изменения затрагивали причинные конструкции, то они всегда шли по пути **сокращения** эксплицитных средств маркирования. В примерах (3) и (4) приведены фрагменты двух писем, воспроизводимые по [Письма] с сохранением принципов передачи редакторской работы: фрагменты, зачеркнутые Пушкиным, помещены в квадратные скобки.

- (3) Почему это? ужъ вѣрно не [по] отъ гордости или радикализма тако-го-то журналиста, [а **потому что**] нѣтъ — а всякой знаетъ что хотъ онъ разподличайся никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей — такъ лучше жъ даромъ быть благороднымъ челоуѣкомъ (Письмо К. Ф. Рылееву, июль 1825 г.) [Письма, 1: 138];
- (4) [Я виновать, **потому что** уже и голосъ и языкъ не] я не люблю писать писемъ — [и языкъ] языкъ и голосъ едвали достаточны для [выраженія] нашихъ мыслей [и особл. для чувствъ] — а перо [еще глупѣе] такъ глупо [бѣдно], такъ медленно [такъ] письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ бы то ни было я виновать — [буд. **иб.** зная. но. зная, зна. зная] зная что мои письмо [на нѣсколько минутъ мо] можетъ [принести тебѣ нѣск. мин. удовольствія] на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіѣ, [и о Грибко объ вечерахъ Турген.] о вечерахъ у Т. и Кар. [и не исполнилъ дружескаго долга]. (Письмо Н. И. Кривцову, вторая половина июля — начало августа 1819 г.) [Там же: 8].

В обоих отрывках при редактировании сохраняется сложное логическое построение — в принципе его можно было бы выразить несколькими вложенными придаточными, вводимыми среди прочего и эксплицитными причинными союзами. Однако при редактировании такие союзы — *потому что* и в (3), и в (4), *ибо* в (4) — удаляются, а на их месте остаются менее специализированные синтаксические средства — союз *а*, деепричастие.

Отказ от некоторых типов сложноподчиненных предложений характерен для эпохи Пушкина — эпохи, когда продолжается борьба со старославянскими союзами (*зане, поелику*, отчасти *ибо*) [Булаховский 1954: 395–400; Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 181–182]), начавшаяся еще в XVIII в.

¹⁴ Известно, что Пушкин нередко редактировал свои письма почти столь же тщательно, как стихи [Левкович 1988: 264–293].

или даже раньше (см. обсуждение *понеже* в [Акимова 2004: 189]). Устранение этих союзов явилось составной частью карамзинской реформы и постепенно стало общим местом в более поздние эпохи [Виноградов 1941b: 547].

Однако в случае с Пушкиным речь идет не только о борьбе с лексическими архаизмами, но и о более широкой тенденции к использованию имплицитных смысловых связей между простыми предложениями (клаузами). Такое направление редакторской работы на грамматическом уровне хорошо согласуется с еще более широким пушкинским принципом, согласно которому часть труда по установлению связей между отдельными пропозициями, отдельными «мыслями» возлагается на читателя¹⁵. Таким образом, редкость причинных союзов у Пушкина — это отдаленное грамматическое преломление того художественного кредо, которое Пушкин вполне эксплицитно формулировал:

- (5) Еще слово объ *Кавк. Пль.* ты говоришь, душа моя, что онъ сукинъ сынъ за то что не горюеть о Черкешенке — но что говорить — *все поняль онъ* выражаетъ все; <...> не надобно все высказывать — это есть тайна занимательности. (Письмо П. А. Вяземскому, 6 февраля 1823 г.) [Письма, 1: 47].

Лаконизм, отказ от многословных объяснений мотивов и причин изображаемых событий является одним из литературных принципов Пушкина-художника [Виноградов 1941a: 360 и др.]. На уровне грамматики тот же принцип находит отражение в самых разных текстах Пушкина, включая письма, которые были для него своего рода «школой» прозаического стиля [Левкович 1988: 271].

4. Проблема жанра и история литературного языка

4.1. Распределение причинных союзов по типам текстов у Пушкина: общий обзор

Многие маркеры причины, включая частотные, стилистически маркированы — и в современном языке, и в языке пушкинской эпохи. Так, Л. А. Булаховский при обсуждении языка первой половины XIX в. характеризует союз *ибо* как «книжный, широко распространенный во всех видах литературы», предполагает, что союз *потому что* был обычным «в разговорной речи в придаточных предложениях, следующих за главными», отмечает, что союз *затем, что* был употребителен «почти исключительно в стихотворном языке» [Булаховский 1954: 395–401], и т. д.

¹⁵ Ср.: «<...> жанр посланий этим совершенно преобразуется: он полон той конкретной недоговоренности, которая присуща действительным обрывкам отношений между пишущим и адресатом» [Тынянов 1928/1968: 130].

Стилистические различия между причинными союзами хорошо осознавались участниками литературного процесса. Так, еще с XVIII в. высмеивались союзы *поелику* и *понеже* — их использование воспринималось как атрибут тяжеловесного и архаичного синтаксиса¹⁶. Особенно остро проблема выбора причинных союзов стояла для поэзии: *ибо* воспринималось как «книжное», *потому что* — как «прозаическое», и это отчасти объясняет введение в поэзию более редких единиц (*зане, затем, что, оттого, что*)¹⁷.

В контексте всех этих фактов совсем не вызывает удивления, что причинные союзы распределены по пушкинским текстам разных типов очень неравномерно, что хорошо видно по данным в Таблице 3¹⁸.

В Таблице 3 выделены те значения, которые более чем на одно стандартное отклонение отличаются от ожидаемых при нулевой гипотезе, т. е. при условии, что частотное **соотношение** маркеров в текстах разных типов было бы одним и тем же¹⁹.

Частично полученные данные ожидаемы: подтверждается книжный характер *ибо*, нетипичность союза *потому что* для стихов, частотность союза *затем, что* в стихах и т. д. Менее тривиально наблюдение об особенном разнообразии причинных маркеров в стихах: здесь редки — по сравнению с ожиданиями при нулевой гипотезе — самые частотные причинные маркеры (*ибо* и *потому что*), зато чаще ожидаемого встречаются более маргинальные средства, включая те, которые названы «прочими»: *благо, для того, чтоб, зане*.

¹⁶ Ср. сатирическое стихотворение И. Ф. Богдановича «Понеже» (1761): *Понеже говорят подъячие в приказе: // Понеже без него не можно им прожить (...)* *Понеже состоит вся сила их в понеже, // Затем и не живет у них понеже реже*.

¹⁷ Процитированные характеристики были использованы В. Г. Белинским в рецензии на «Стихотворения Аполлона Григорьева» (1846) для объяснения того, почему слово *зане*, вообще говоря, могло бы быть «хорошо для поэзии» (цит. по [Виноградов 1941b: 573]). В. В. Зельченко (л. с.) отмечает в связи с этим, что в русской поэзии и в целом наблюдается явная нехватка «нормальных» способов выражения причинно-следственных отношений — в отличие от, например, поэзии латинской.

¹⁸ Данные в некоторых ячейках Таблицы 3 основаны на экстраполяции: для примеров, не попавших в скачанные выдачи (см. сноску 5), предполагалась та же доля «мусора», которая эмпирически обнаруживалась в скачанных выдачах. Из-за поправочного коэффициента предполагаемое полное число примеров — оно отражено в столбцах, помеченных как « $\approx N$ », — не всегда целое. Полужирный шрифт используется для отклонений в большую сторону, а курсив — для отклонений в меньшую сторону.

¹⁹ Отклонения от ожиданий не обязательно совпадают с арифметическими различиями между зафиксированными частотностями. Так, частотность «прочих» маркеров в нехудожественной прозе — 41 ipm, а в стихах — 28 ipm, но именно последнее значение значительно превосходит ожидания, поскольку в целом в стихах причинные маркеры встречаются намного реже, чем в нехудожественной прозе.

Таблица 3

**Относительная частотность причинных показателей в текстах Пушкина
в зависимости от типа текста**

	Проза				Стихи	
	Нехудож.		Худож.			
Объем корпуса	299421		117854		195943	
	≈N	ipm	≈N	ipm	≈N	ipm
<i>ибо</i>	165,0	551	42,0	356	<i>1,0</i>	5
<i>потому что</i>	118,5	396	37,0	314	<i>11,0</i>	56
<i>ведь</i> ²⁰	9,3	31	17,8	151	18,5	94
<i>так как</i>	18,5	62	<i>0,0</i>	0	1,0	5
<i>оттого, что</i>	<i>4,4</i>	15	4,0	34	5,3	27
<i>затем, что</i>	<i>0,0</i>	0	<i>0,0</i>	0	7,0	36
прочие	12,4	41	<i>2,0</i>	17	5,3	28
Всего	328,1	1096	102,8	872	49,1	251

Разумеется, распределение союзов по трем типам текстов дает лишь самое грубое понимание их стилистической характеристики. Более глубокая классификация текстов здесь не используется только потому, что это сделало бы невозможным квантитативный анализ редких маркеров. Однако между самыми частотными союзами видны различия даже при дробной классификации текстов. В качестве примера можно привести распределение двух самых частотных причинных союзов — *ибо* и *потому что* — по адресатам писем Пушкина. В Таблицу 4 попали только те адресаты, в письмах к которым эти два показателя суммарно встретились хотя бы в пяти случаях; адресаты упорядочены по убыванию доли, приходящейся на *ибо*.

Приведенные данные ограничены по объему, но вполне наглядны: союз *ибо* чаще встречается в более официальных письмах, а *потому что* — в более частных, особенно — в письмах жене и младшему брату Льву (об особой легкости общения в письмах к брату см. [Левкович 1988: 273–274]).

4.2. Диахроническая перспектива

Видимо, до сих пор в литературе не изучался вопрос о том, как использование маркеров причины в языке Пушкина соотносится с историческими изменениями в этой сфере. Здесь этот вопрос будет отдельно рассмотрен для художественной и нехудожественной прозы и для стихов.

²⁰ «Промежуточные» контексты (см. о них сноску 8 и раздел 5.4) при подсчетах не учитывались.

Таблица 4

Потому что и ибо в письмах Пушкина

	<i>ибо</i>	<i>потому что</i>
А. Х. Бенкендорфу	4	1
М. П. Погодину	7	3
П. А. Плетневу	4,5 ²¹	2
П. А. Вяземскому	10	14
П. В. Нащокину	4	7
Н. Н. Гончаровой / Пушкиной	7	18
Л. С. Пушкину	2,5	9

В качестве отправной точки в Таблице 5 приводится частотность союза *ибо* в художественной прозе Пушкина на фоне художественной прозы его современников и писателей других эпох (о принципах выделения периодов см. раздел 2).

Таблица 5

Частотность союза *ибо* в художественной прозе Пушкина на историческом фоне (ipm; «грязные» выдачи)

период	Пушкин	другие
1739–1789		1567
1790–1823		772
1824–1836	356	247
1837–1860		71
1861–1900		118
1980–2020		120

В части, касающейся «фона», данные в Таблице 5 предсказуемо отражают резкое сокращение частотности союза *ибо* между XVIII и серединой XIX в. Менее тривиально то, что у Пушкина в художественной прозе *ибо* встречается несколько **чаще**, чем у его прямых современников. Если учесть, что в художественной прозе Пушкина причинные маркеры в целом встречаются гораздо реже, чем у его современников (см. Таблицу 2), то получится, что доля союза *ибо* в художественной прозе Пушкина неожиданно высока — и это явный архаизм²².

²¹ Нецелое число здесь и ниже появляется из-за вхождения союза *ибо* в текст письма, адресованного одновременно П. А. Плетневу и Л. С. Пушкину.

²² Как и все количественные обобщения, этот вывод можно было бы уточнить, обратившись к стилистике конкретных текстов. Любопытно, например, что почти

Аналогичные выкладки были сделаны для шести самых частотных у Пушкина (см. Таблицу 1) причинных показателей: помимо *ибо*, это *потому что*, *ведь*, *так как*, *оттого что*, *затем что*. При подсчетах использовались «грязные» выдачи²³. Из-за громоздкости полученных таблиц результат этой работы представлен в графическом виде, см. рис. 1²⁴.

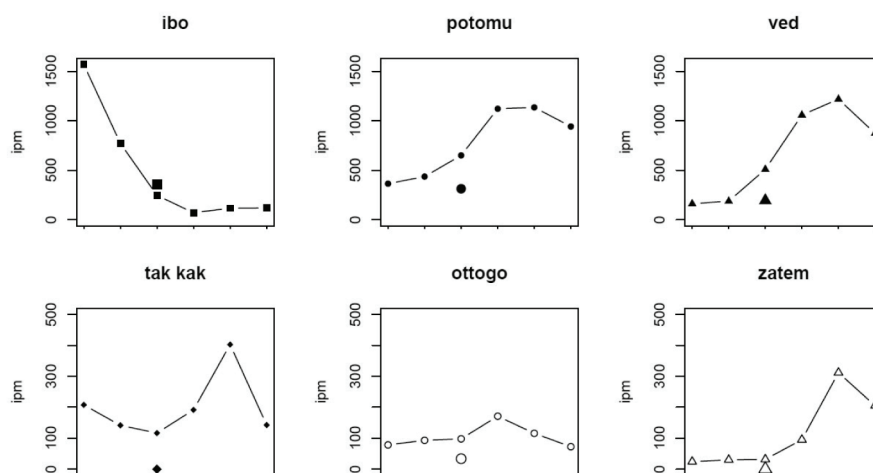

Рис. 1. Частотность (в ipm) шести причинных маркеров в художественной прозе Пушкина на историческом фоне

четверть (10 из 42) вхождений *ибо* в художественной прозе Пушкина приходится на сравнительно короткую «Историю села Горюхина». В этой повести остро ощущается элемент стилизации речи вымышленного повествователя (И. П. Белкина), языковой портрет которого очень далек от «настоящего» Пушкина. Тем не менее здесь (и далее) оговорки о стилизации при подсчетах учитываться не будут. Во-первых, даже без «Истории села Горюхина» частотность *ибо* в художественной прозе Пушкина была бы высока. Во-вторых, попытки «отсечения» стилизации заведомо обречены на провал, поскольку включение «народных», противопоставленных аристократическим «салонным», языковых элементов, в том числе и через введение фиктивных повествователей, было частью программы Пушкина по реформе языка прозы [Виноградов 1941а: 514–582].

²³ Как следствие, в выдачи попадали и контексты, где употреблялось только одно поисковое слово (это относится к *потому*, *затем* и *оттого*, но не к *так как*). Это решение могло отчасти повлиять на выводы по крайней мере для *затем* — существенная часть контекстов не имеет отношения к семантике причины.

²⁴ Графики выполнены в программе R [R Core Team 2019], я благодарю М. А. Овсянникову за помощь в их создании. По оси x отражены выделяемые в исследовании периоды, по оси y — частотность маркеров в ipm. Точки, соединенные линиями, соответствуют частотностям, зафиксированным в текстах «других» авторов, а отдельно стоящие точки — текстам Пушкина.

Можно видеть, что по использованию причинных маркеров художественная проза Пушкина несколько архаична: выходящий из употребления союз *ибо* встречается у Пушкина чаще, чем у современников, а оба оставшихся частотных маркера — *потому (что)* и *ведь* — у Пушкина столь же редки, как у авторов XVIII в., хотя в целом их частотность со временем заметно росла.

Далее в графической форме представлены аналогичные данные, полученные для нехудожественной прозы Пушкина (рис. 2) и стихов (рис. 3).

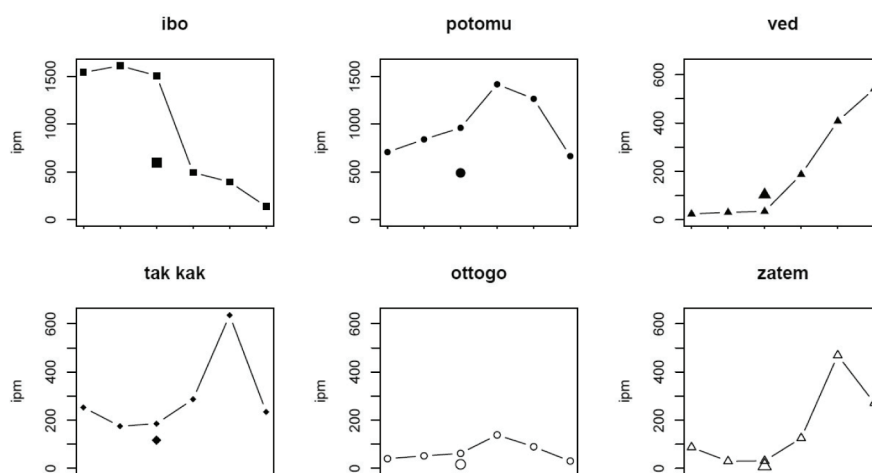

Рис. 2. Частотность (в ipm) шести причинных маркеров в нехудожественной прозе Пушкина на историческом фоне

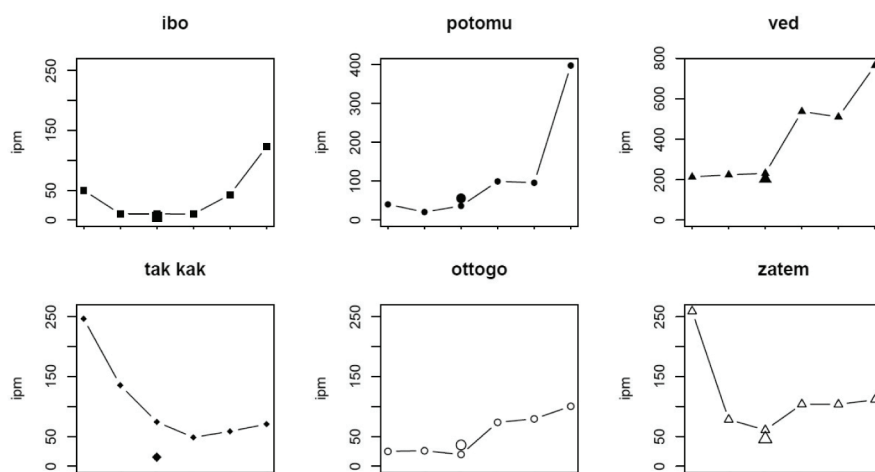

Рис. 3. Частотность (в ipm) шести причинных маркеров в стихах Пушкина на историческом фоне

Можно видеть, что по использованию причинных маркеров в нехудожественной прозе Пушкин скорее новатор²⁵, а в его стихах распределение причинных маркеров близко тому, что наблюдается у других поэтов его эпохи (см. подробнее в разделе 4.4).

4.3. Преодоление жанровых контрастов

В разделе 4.1 было показано, что частотность причинных союзов у Пушкина зависит от типа текста: *ибо* тяготеет к нехудожественной прозе, *потому что* редко встречается в стихах и т. д. Однако это наблюдение отчасти обманчиво. Данные в Таблице 6 показывают, что контрасты между типами текстов у Пушкина более сглажены, чем у усредненного автора его эпохи. Подсчеты проводились на основе «грязных» выдач²⁶, учитывались только три самых частотных маркера причины: *ибо*, *потому (что)* и *ведь*.

Таблица 6

Частотность причинных маркеров в текстах разных типов у Пушкина (П.) и его современников (ipm; «грязные» выдачи)

	<i>ибо</i>		<i>потому</i>		<i>ведь</i>	
	П.	другие	П.	другие	П.	другие
нехудож. проза	598	1509	491	962	104	35
худож. проза	356	247	314	651	195	510
стихи	5	10	56	37	204	232

Можно видеть, что контрасты между типами текстов у современников Пушкина еще более заострены, чем у самого Пушкина. Например, у Пушкина *ибо* встречается в нехудожественной прозе в 1,7 раз чаще, чем в художественной прозе, а у его современников — в 6 раз чаще! У Пушкина *потому*²⁷ встречается в стихах в 6 раз реже, чем в художественной прозе, и в 9 раз реже, чем в нехудожественной, а у его современников те же соот-

²⁵ Это относится как минимум к союзам *ведь* (он у Пушкина частотнее, чем у современников) и *ибо* (он у Пушкина значительно менее частотен, чем у современников). Поскольку суммарно причинные маркеры в нехудожественной прозе Пушкина встречаются примерно в два раза реже, чем у современников (см. Таблицу 2), конкретные союзы с соотношением частотностей, близким к 1:2, например *потому, что* (см. рис. 2), не могут быть интерпретированы ни как новаторская, ни как архаичная черта.

²⁶ Эта оговорка существенно влияет на абсолютные данные для *ведь*, поскольку к собственному причинным относится только около половины его употреблений.

²⁷ Из-за необходимости получить вхождения расчлененного употребления *потому* <...>, *что* запрос включал в себя только слово *потому*, но в данном случае доля «мусора» (в основном это контексты с семантикой следствия, а не причины) сравнительно невелика.

ношения примерно равны 18 и 26 соответственно. Наконец, на фоне современников распределение частотности *ведь* по типам текстов у Пушкина кажется почти равномерным.

Содержательная интерпретация этих количественных обобщений в том, что Пушкин способствовал стиранию жанровых границ между союзами. Так, *ибо* часто встречается у Пушкина в контекстах, далеких от книжности (6). Другой пример — внедрение диалогического *ведь* в тексты, не связанные с имитацией народной речи, особенно в письма (до пушкинской эпохи *ведь* в частных письмах, попавших в НКРЯ, почти не встречается), см. (7).

- (6) Кирила Петрович с великим удовольствием стал рассказывать подвиг своего француза, **ибо** имел счастливую способность тщеславиться всем, что только ни окружало его. (Дубровский) [АПСС 8(1): 196];

- (7) <...> но каковъ Баратынской? признайся что онъ превзойдетъ и Парни и Батюшкова — если впредь зашагаетъ какъ шагаль до сихъ поръ — **вѣдь** 23 года — щастливцу! (Письмо П. А. Вяземскому, 2-го января 1822 г.) [Письма, 1: 25–26].

Наконец, самый яркий пример — «легитимизация» *потому что* в поэтических текстах. В. В. Виноградов писал: «<...> прозаический союз *потому что* (так же, как и *оттого, что*) вводится Пушкиным в разные жанры поэтической речи» [Виноградов 1941b: 574]. Эту формулировку нельзя принять в самом буквальном смысле: *потому что* (как и *оттого что*) встречается в более ранних поэтических текстах — у В. К. Тредиаковского, Г. Р. Державина, Н. А. Львова и др. Однако в поэзии XVIII в. *потому что* преимущественно встречается в расчлененном виде (*потому А, что В*), а даже если расчленение не происходит, коррелятивная природа этого союза обычно подчеркивается границей стиха:

- (8) Ты добродетелен и хвален **потому,**
Что не люби, как мною, богатая пирушки.
(И. С. Барков. Перевод из сатир Горация (2, 7). 1763).

Употребления, подобные (8), фиксируются и в стихах Пушкина²⁸, но обычно *потому что* используется в них в нерасчлененном виде²⁹. Более того, стихотворение «Город пышный, город бедный...» 1828 г. — самый ранний из представленных в НКРЯ поэтических текстов, где союз *потому что* стоит в начале стиха:

²⁸ Ср.: <...> Его стегали, **потому** // **Что** он не разбирал дороги <...> («Медный всадник») [АПСС 5: 146].

²⁹ В прозе Пушкина доля нерасчлененных употреблений *потому что* также очень высока — около 90 % (в прозе современников Пушкина она едва превышает 80 %).

- (9) Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.
(«Город пышный, город бедный...») [АПСС 3(1): 124].

Существенно, что обсуждаемый союз появляется во втором четверостишии, где «картина книжно-поэтического стиля» сменяется «экспрессией интимного обращения» [Виноградов 1941а: 258]. Очевидно, контраст с патетической интонацией первой строфы достигается здесь не только через использование знаменательной лексики «фамильярно-бытового просторечия», которую упоминает В. В. Виноградов, но и благодаря использованию союза *потому что*. Таким образом, применительно к причинным союзам Пушкин развивал характерную для карамзинистов тенденцию — приближал поэтический язык к ясному языку прозы (см., например, [Тынянов 1926/1968: 93]), к расшатыванию «поэтически-прозаической диглоссии» [Гришина и др. 2009: 103].

Итак, по всей видимости, в текстах Пушкина жанровые контрасты между причинными союзами проявляются менее резко, чем у его современников. Разумеется, сказанное не означает, что этих контрастов нет: они есть и Пушкина, и у более поздних авторов, и в современном языке³⁰ — речь лишь о том, что у Пушкина на первый план выходят некоторые содержательные противопоставления (см. о них раздел 6).

4.4. Промежуточные выводы

Если оценивать выбор причинных союзов в диахронической перспективе, то (умеренным) новатором Пушкин оказывается только в нехудожественной прозе, особенно в письмах. В художественной прозе Пушкин — умеренный архаист. В стихах Пушкина сложно охарактеризовать по этому параметру как «архаиста» или «новатора». Их специфика в особенном разнообразии причинных союзов: своя ниша в стихах Пушкина есть и у ряда редких маркеров (см. 4.1), и у «прозаического» *потому что* (см. 4.3).

Таким образом, на рассмотренном материале скорее не подтверждается тот тезис, что Пушкин предугадывал или даже предопределял новые грамматические нормы русского языка [Винокур 1941; Добровольский 2001;

³⁰ Развитие этих контрастов — тема отдельного обсуждения (хотя в какой-то мере о нем позволяют говорить даже данные, отраженные в графиках раздела 4.2). Предварительно можно отметить, что, например, для *потому что* «запрет» на использование в поэтических текстах со временем почти полностью стирается. У *ведь* разговорный оттенок сохраняется до сих пор, но в определенной мере этот показатель проникает даже в научные и официальные тексты. Интересна судьба союза *ибо*: по всей видимости, он обрел «второе дыхание» после долгой опалы и получил распространение в текстах, для которых изначально не был характерен (например, в поэтических).

Падучева 2001]. Полученные сведения лучше согласуются с идеей о том, что роль Пушкина состояла в **синтезе единой системы** общелитературного языка. В эту систему втягивались элементы разного происхождения, многие из которых в XVIII в. были закреплены за отдельными стилевыми нишами. Идея о Пушкине как синтезаторе восходит как минимум к Ю. Н. Тынянову³¹ и подробно обсуждается в пушкиноведческих работах В. В. Виноградова³² и других исследователей [Винокур 1941: 541; Успенский 1994: 167–183; Гаспаров 1999/1992].

Стремление к синтезу, своего рода «всеядность» — это не только объективно наблюдаемая черта текстов Пушкина, но и его осознанная позиция, высказывавшаяся и в публицистике (10), и в виде более или менее полемических ремарок, вкрапленных в поэтические тексты (11).

(10) Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности. (Отрывки из писем, мысли и замечания) [АПСС 11: 52];

(11) Мне рифмы нужны; все готов сберечь я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат —
Все годны в строй: у нас ведь не парад.
(Домик в Коломне) [АПСС 5: 84].

Итак, хотя количественный анализ дистрибуции союзов по текстам разных макротипов — лишь очень грубый инструмент поиска жанровых и стилистических особенностей таких единиц, даже это средство позволяет увидеть в объективных грамматических свойствах текстов Пушкина отражение его программных установок.

5. Очерки по отдельным союзам

5.1. Общий обзор и «редкие» союзы

Раздел 5 посвящен анализу отдельных причинных союзов в текстах Пушкина. Для трех самых частотных маркеров — *ибо*, *потому*, *что* и *ведь* —

³¹ Ср.: Пушкин «соединял принципы и достижения противоположных школ» [Тынянов 1926/1968: 116]. Ю. Н. Тынянова больше интересуют литературное (например, взаимное притяжение прозы и поэзии у Пушкина, см. обсуждение в [Виноградов 1968: 21]) и идеологическое (особое положение между «младшими архаистами» и карамзинистами) измерения, но та же идея имеет и грамматические проявления.

³² Ср.: «Пушкин с конца 20-х годов в отдельных жанрах допускает даже более свободную примесь архаических языковых элементов <...>, испытывая стилистическую пригодность и семантические возможности старорусского словесного фонда XVIII в. в системе нового русского литературного языка. Но прежние жанровые перегородки между стилями были окончательно устранены» [Виноградов 1941b: 549]; см. также [Виноградов 1935: 195–236; Виноградов 1941a: 367 и далее].

можно установить некоторые вероятностные тенденции, в частности с опорой на разметку выборки по ряду содержательных параметров (см. раздел 2). Этим трем союзам посвящены разделы 5.2, 5.3 и 5.4 соответственно. Следует оговориться, что в данном случае я предлагаю точечный анализ той системы содержательных противопоставлений между тремя маркерами причины, которая фиксируется в текстах Пушкина. Важнейший вопрос о путях формирования этой системы у предшественников Пушкина и о ее развитии в последующие эпохи вплоть до современности должен стать темой отдельной статьи.

Для остальных союзов выявление грамматических факторов, обуславливающих их выбор, затруднительно из-за малого объема материала. Однако как минимум для части «редких» маркеров ведущими были стилистические и риторические факторы.

Яркий пример такого союза — *зане*. В поэзии рубежа XVIII–XIX вв. этот уже тогда устаревший союз в основном встречается в текстах, связанных с древностями, особенно славянскими (например, он частотен в сохранившихся фрагментах поэмы А. Н. Радищева «Бова», с которой Пушкин был знаком с лицейских времен). В этом смысле хронологически первое вхождение *зане* у Пушкина (12), вложенное в уста Пимена в «Борисе Годунове», опирается на существовавшую традицию:

- (12) И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
(Борис Годунов) [АПСС 7: 21].

Второе и последнее вхождение *зане* у Пушкина — в стихотворениях на картинки к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе» — создает уже не архаизирующий, а игровой эффект³³:

- (13) Пупок чернеет сквозь рубашку,
Наружу титька — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит <...>
(«Пупок чернеет сквозь рубашку») [АПСС 3(1): 165].

Другой союз, появление которого может обуславливаться локальными стилистическими задачами, — *затем, что* (см. выше о его тяготении к поэтическим текстам). В поэзии XVIII в. этот союз был частотным и нейтральным, но ко времени Пушкина его употребление сохраняется в особых

³³ Даже на этом частном примере находит подтверждение тезис (см. раздел 4.3) о сознательном стирании границ между «высокими» и «низкими» контекстами: получается, что *зане* встречается у Пушкина в обоих типах контекстов (то же, разумеется, можно сказать и о более частотных маркерах, начиная с *потому что*).

функциональных нишах³⁴. Одна из них — парцеллированный ответ на вопрос, начинающийся с *зачем*. Такие вопросно-ответные пары встречаются и до Пушкина (например, у И. И. Хемницера, В. В. Капниста); естественно, они служат риторическим целям: автор сам дает ответ на свой вопрос. Пушкин использует эту формулу, усиленную градацией, в «Езерском»³⁵:

- (14) Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пенъ? Спроси его.
Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет.
(Езерский) [АПСС 5: 95].

Здесь риторическая природа пары *зачем* — *затем* доведена до предела: «ответ» сводится к тому, что искомой причины — или цели³⁶ — просто нет. Этот же смысл может выражаться и самим вопросом с *зачем*, обращенным к стихиям и не получающим ответа. В обоих случаях сама грамматическая формула несет в себе определенную мысль³⁷.

5.2. Ибо, или Немного дедукции

Выбор союза *ибо* ассоциируется с такими причинами, содержание которых заранее известно — адресату сообщения или «всем» (имеется в виду не контекстная «известность» — данность, тематичность и т. д., — а вхож-

³⁴ Эти ниши находятся на стыке семантики причины и цели. Это также можно сказать и о союзе *для того, что(б/бы)*, но он встречается у Пушкина только один раз — в стихотворении «Заклинание» 1830 г. (см. об этом употреблении [Виноградов 1941b: 574]).

³⁵ Этот пассаж почти без изменений, по всей видимости, предназначался Пушкиным и для стихотворной части «Египетских ночей» (и традиционно печатается как часть текста повести).

³⁶ Разумеется, неслучайно возрастание «ожидаемой агентивности»: сухой лист — орел — Дездемона — и далее, уже вне градации, поэт.

³⁷ Ср. обыгрывание этого риторического клише в «ответе» А. К. Толстого на «Аквилон» Пушкина: *Как не наскучило вам всем / Пустое спрашивать у бури? / Пристали все: зачем, зачем? — / Затем, что то — в моей натуре!* («Надписи на стихотворениях А. С. Пушкина» 1865–1875).

дение в фонд знаний об устройстве мира). Очень часто причина — это какое-то правило, закон, обобщенное суждение, которым объясняется частный случай. Контраст по этому параметру между *ибо* и *потому что* хорошо виден по редакции пассажа из письма М. П. Погодину: в (15) приведен черновой вариант с правкой, а в (16) — беловой вариант.

- (15) Стих. печатать въ ней не буду, [**потому что** возвращ. къ Русл. и къ Плѣн. я не намѣренъ,] [а] [**ибо**] и Богъ запретить <sic> метать бисеру передъ публикой, на то проза — мякина — (Письмо М. П. Погодину, сентябрь 1832 г., черновое) [Письма, 3: 78];
- (16) Стихотвореній, помѣщать не намѣренъ **ибо** и Христосъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой; на то проза-мякина. (Письмо М. П. Погодину, сентябрь 1832 г., беловое) [Письма, 3: 78].

В начальной редакции причина — нежелание Пушкина возвращаться к ранним поэмам — факт частный и, возможно, неизвестный адресату. Напротив, «не мечите бисера перед свиньями» — общеизвестный завет. Изменение называемой причины коррелирует с заменой *потому что* на *ибо*³⁸.

Вторая особенность союза *ибо* в том, что он нередко вводит причины таких пропозиций, которые сами занимают периферийную синтаксическую позицию в предложении:

- (17) Я-же все беспокоюсь, на кого покинулъ я тебя! На Петра, соннаго пьяницу, который спить, не проспится **ибо** онъ и пьяница и дуракъ. (Письмо Н. Н. Пушкиной, 22 сентября 1832 г.) [Письма, 3: 79].

Придаточным с *ибо* здесь объясняется фоновая пропозиция, выраженная придаточным определительным. В таких контекстах основные конкуренты *ибо* — *потому, что* и *ведь* — используются редко³⁹. Иногда «объясняемым» оказывается даже не самостоятельное сказуемое, входящее в ассерцию предложения, а лишь определение:

- (18) Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос — а не брань, мною вовсе не заслуженную, **ибо** я веду себя как красная девица. (Письмо Н. Н. Пушкиной, 2 октября 1835 г.) [ППЛ: 110].

³⁸ Здесь смена семантического типа причины (неизвестная vs. известная) совмещена с переходом от бытовой сферы к цитате из Евангелия, пусть и поданной иронически. Однако выбирать одно из объяснений замены союза — семантическое или стилистическое — нет необходимости: причины, связанные с религией и другими «высокими» сферами, часто являются обобщенными суждениями.

³⁹ Это не означает, что эти конкуренты в таких контекстах вовсе невозможны — в языке Пушкина или в современном языке. Анонимный рецензент (л. с.) приводит следующий пример: *Тот неожиданно рассмеялся — очень хорошим, потому что молодым и честным смехом* (З. Прилепин. Санька (2006)). Такие употребления в корпусе вполне фиксируются, но, кажется, не очень частотны.

Наконец, третья особенность союза *ибо* в том, что он обычно предпочтительнее конкурентов в тех контекстах, где главная клауза относится к зоне ирреалиса:

- (19) Написаль я прозою 5 повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется — и которыя напечатаемъ также Анопите — Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, **ибо** Булгаринъ заругаетъ. (Письмо П. А. Плетневу, 9 декабря 1830 г.) [Письма, 2: 121].

Здесь в главной клаузе говорится об ирреальном событии — напечатании повестей (известных нам как «Повести Белкина») под именем Пушкина. То, что подается как причина, — *Булгарин заругает* — при нормальном развитии событий вообще никогда не должно наступить. Использование *потому что* или *ведь* здесь, видимо, было затруднительно: в обоих случаях возникла бы импликация того, что ‘Булгарин заругает’ — истинная пропозиция.

5.3. *Потому что, или «Сейчас я все объясню»*

В эпоху Пушкина причинный союз *потому, что* в прозе был лишь немногим частотнее одиночного маркера следствия *потому*, как в (20):

- (20) ⟨...⟩ я горел нетерпением ее увидеть, и **потому** в первое воскресенье по ее приезде отправился после обеда в село *** рекомендоваться их сиятельствам, как ближайший сосед и всепокорнейший слуга. (Выстрел) [АПСС 8(1): 71].

Вероятно, в этот период анафорическая природа союза *потому что* ощущалась явственнее, чем сейчас, по крайней мере у него наблюдались признаки большей синтаксической свободы и, соответственно, меньшей грамматикализованности (см. о самих этих признаках [Пекелис 2017: 63–70; Kholodilova 2020; Pekelis 2020]). Устанавливать границы грамматически приемлемого и неприемлемого для предшествующих эпох непросто. Однако хорошо видно, что количественно в начале XIX в. более частотны, чем сейчас, были конструкции, где нарушалась слитность *потому что*: «расчлененные» употребления⁴⁰, в частности случаи дистантного расположения двух компонентов союза (21), конструкции с частичным повтором союза (22) («partial repetition» в терминах [Kholodilova 2020]) и т. д.

- (21) Я это **потому** пишу,
Что уж давно я не грешу.
(Евгений Онегин) [АПСС 6: 17];

⁴⁰ Основной легко наблюдаемый признак расчлененных употреблений — наличие запятой (*потому, что*); изучение этого параметра осложняется различиями в эдиционных принципах различных изданий. Однако у расчлененных употреблений есть и более глубокие отличия от более грамматикализованных нерасчлененных [Пекелис 2017: 93–103; Kholodilova 2020].

- (22) Зачем у вас я на примете?
 Не **потому** ль, **что** в высшем свете
 Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
 (Евгений Онегин) [Там же: 187].

Эти синтаксические свойства коррелируют с семантическими и прагматическими. Так, расчленение характерно для контекстов с фокусированием, контрастом и т. п. [Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 117]:

- (23) Такъ какъ я дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ (конечно **не** изъ ослушанія, **но только потому, что** худо понялъ Высочайшую Волю Государя) то поставлю за долгъ препроводить ее Вашему Превосходительству (...) (Письмо А. Х. Бенкендорфу, 29 ноября 1826 г.) [Письма 2: 21].

В какой-то мере названные типы контекстов уже вскрывают механизмы конкуренции *потому что* с другими союзами: так, в контексте фокусных частиц *только* или *именно* чаще всего используется именно союз *потому что* (см. о наличии такого потенциала у *потому что* [Belyaev 2015: 46–49]). Однако такие контексты составляют меньшинство случаев. Если же говорить о более нейтральных случаях, то обычно союз *потому что* вводит ассертивную зависимую клаузу, информацию в которой говорящий считает неизвестной адресату (см. об этом применительно к современному языку в [Пекелис 2017: 113–114]). Чаще всего эта информация касается некоторой реальной — единичной и локализованной на оси времени — ситуации (см. также пример (15) выше):

- (24) Я их проиграл, **потому что** так мне вздумалось. (Капитанская дочка) [АПСС 8(1): 285].

Союз *потому что* часто используется тогда, когда информация в главной клаузе известна реальному или воображаемому адресату и оценивается им отрицательно, как в (24). В частности, в письмах при помощи *потому что* Пушкин нередко объясняет отсутствие каких-то действий, ожидаемых адресатом, «оправдывается»:

- (25) Я тебе не писал, **потому что** был зол — не на тебя, на других. (Письмо Н. Н. Пушкиной, 18 мая 1834 г.) [ППЛ: 44].

Разумеется, есть прямая связь между ассертивностью и новизной причины как дефолтными семантическими свойствами *потому что* и его способностью использоваться в маркированных контекстах, вызывающих расчленение, — фокусных, контрастивных⁴¹ и т. д.

⁴¹ Вообще говоря, семантика контраста предполагает обращение к некоторому множеству, состав которого изначально известен говорящему и слушающему,

5.4. *Ведь, или «Кто-то не прав»*

Семантике и функциям русского *ведь* посвящена обширная литература, где для него, в частности, предлагался следующий «семантический инвариант»: «[в]едь указывает на то, что вводимая информация, будучи адекватной, является одновременно релевантной для правильной интерпретации ситуации адресатом речи» [Бонно, Кодзасов 1998: 428].

Приведенная формулировка во многом объясняет, почему *ведь* может выполнять функцию причинного союза, но может использоваться и иначе. Вычленение вхождений *ведь* именно как причинного союза — заведомо условное, поскольку непроходимой границы между разными типами употребления нет⁴², — определяется как минимум двумя факторами.

Во-первых, теоретически клауза, содержащая *ведь* как причинный союз, не должна быть синтаксически самостоятельной. Однако синтаксическую самостоятельность невозможно приравнять к пунктуационной, а применение тестов на синтаксическую самостоятельность к письменным текстам предшествующих эпох затруднительно. Поэтому на практике этот параметр не учитывался. Так, пример (26) был размечен как «причинный» (такое же решение принято и в [СЯП]):

(26) Уж верно головы мне не отрубят.

Ведь я не государственный преступник.

(Каменный гость) [АПСС 7: 138].

Во-вторых, необходимо, чтобы «релевантность» информации, выраженной в клаузе с *ведь*, состояла в том, что она объясняет сведения, выраженные в другой клаузе. Этот признак не всегда дает однозначные результаты, поэтому 33 примера были отнесены в категорию «промежуточных» (между «причинными» и «прочими»):

(27) «Что скажут дамы! воскликнул бы критик, **ведь** эта комедия может попасться дамам!» (Опровержение на критики) [АПСС 11: 155]⁴³.

Здесь клауза с *ведь* содержит «объяснение», но это объяснение той презумпции, которая необходима для вопроса в главной клаузе: если бы

т. е. не является полностью новой информацией [Янко 2001: 47]. В этом смысле причинные конструкции с контрастом, см., например, (23), могут быть поняты так, что пишущий (в данном случае — Пушкин) заранее строит множество возможных причин, а далее противопоставляет акцентно выделяемую «истинную» причину другой, которая, по его мнению, может казаться адресату более вероятной — в примере (23) это «ослушание».

⁴² Попытку — не во всем убедительную — разграничения *ведь* как союза и как частицы на материале текстов Пушкина можно найти в [СЯП].

⁴³ Этот пример отнесен в [СЯП] к первому — причинному — значению *ведь*, но многие другие примеры из «промежуточной» категории трактуются как такие, в которых *ведь* используется «в значении ‘в самом деле’».

дамы не увидели комедию, то вопрос о том, что они скажут, не имел бы смысла.

Как бы то ни было, во многих случаях *ведь* явственно выражает именно причинные отношения между двумя положениями вещей и по крайней мере потенциально вступает в конкуренцию с *ибо*, *потому что* и т. д. Уже по предварительному обсуждению понятно, что на фоне других маркеров *ведь* тяготеет к контекстам, в которых либо ситуация-причина не выражается эксплицитно вообще, либо клаузы, выражающие причину и следствие, демонстрируют лишь **слабую** степень синтаксической **интеграции**. Однако основным фактором, коррелирующим с выбором *ведь*, является диалогичность [Акопян 2011: 18]. Используя *ведь*, говорящий (пишущий) как бы приглашает адресата (пере)осмыслить выраженную в предшествующем тексте информацию. Очень часто эта информация, по мнению говорящего, неверна или неполна:

- (28) Куда же ты? — В Москву — чтоб графских именин
Мне здесь не прогулять.

— Постой — а карантин!

Ведь в нашей стороне индийская зараза.

(«Румяный критик мой, насмешник толстопузый...»)
[АПСС 3(1): 236–237].

С одной стороны, клауза с *ведь* содержит объяснение того, почему объявлен карантин. С другой стороны, и побудительное «*Постой!*», и клауза с *ведь* возникают как реакция на намерение собеседника («критика») направиться в Москву. По контексту можно предполагать, что адресат мог бы и сам знать об «индийской заразе», а клауза с *ведь* служит для того, чтобы напомнить об этом и таким образом показать неправоту адресата. Вообще конструкции с *ведь* нередко используются в «иллокутивных» контекстах, т. е. в таких, где выражается связь между пропозицией-причиной и иллокутивной модальностью другой клаузы [Пекелис 2017; Заика 2019]:

- (29) Что ты про Машу ничего не пишешь? **ведь** я, хоть Сашка и любимец мой, а всё люблю ее затеи. (Письмо Н. Н. Пушкиной, 2 октября 1835 г.) [ППЛ: 110].

В примере (29) содержание клаузы с *ведь* объясняет возникновение вопроса (по сути — побуждения), выраженного в первой клаузе. Во многих случаях клауза с *ведь* вступает в сложные риторические отношения с контекстом [Бонно, Кодзасов 1998: 429–432] и содержит причину какого-то положения вещей, которое эксплицитно не выражено:

- (30) Я писалъ тебѣ премеланхолическое письмо милый мой Петръ Александровичъ, да **вѣдь** меланхоліей тебя неудишишь, ты самъ на это собаку съѣлъ. (Письмо П. А. Плетневу, 9 сентября 1830 г.) [Письма 2: 106].

Здесь имплицитные причинные отношения можно «расшифровать» так: ‘Кого-то меланхолическое письмо могло бы удивить, но тебя оно удивить не должно, потому что для тебя меланхолия привычна’. Здесь нет нормального каркаса причинных конструкций (клауза-следствие — маркер причины — клауза-причина), но обычные свойства *ведь* налицо: связь с диалогом, с «урезониванием» воображаемого оппонента, с апелляцией к известной информации и со сложными риторическими отношениями.

5.5. Обобщение

При обсуждении «портретов» причинных маркеров не обсуждался вопрос о том, насколько они специфичны именно для текстов Пушкина, а не для пушкинской эпохи вообще. Более того, во многом выявленные закономерности справедливы и для русского языка нашего времени — особенно в том, что касается конкуренции между *потому что* и *ведь*, см. [Пекелис 2017] и отчасти [Belyaev 2015].

Однако здесь ставилась иная задача — показать, что по крайней мере в текстах Пушкина три основных маркера причины: *ибо*, *потому что* и *ведь* — невозможно считать «синонимами», выбор между которыми определяется стилистическими факторами (стилистическая «окраска» может быть ведущим фактором выбора более редких маркеров — *зانه*, *затем*, *что* и т. д.). Для Пушкина это конкуренты, вероятно ассоциирующиеся каждый со своей функциональной нишей в рамках единой системы. В частности, *ибо* коррелирует с известными причинами, часто имеющими статус общих утверждений, с фоновыми (неассертивными) следствиями и со следствиями из зоны ирреалиса. *Потому что* вероятно связан с ассертивными причинами, относящимися к новой информации, с «отрицательными» следствиями и с синтаксическими контекстами фокусирования, контраста и т. д. Наконец, использование *ведь* статистически ассоциируется с диалогичностью, со слабой синтаксической интеграцией, со сложными риторическими отношениями (т. е. с наличием имплицитных звеньев) и с иллокутивным значением причины.

6. Выводы

За пределами проведенного исследования остаются многие релевантные задачи, например прицельное сравнение Пушкина с его современниками или изучение истории тех функциональных признаков, различающих причинные маркеры, которые были намечены в разделе 5. Эти ограничения были осознанно приняты для того, чтобы хотя бы на узком материале совместить две перспективы: количественно-корпусную и традиционную филологическую.

Основные эмпирические выводы сводятся к следующему.

1) В текстах Пушкина эксплицитные синтаксические маркеры причины используются **реже**, чем в текстах его современников и особенно предшественников. Пушкин перекладывает часть усилий по установлению смысловых связей между пропозициями на адресата (читателя). Этот перенос встраивается в общую тенденцию к сжатости, имплицитности — на разных уровнях — и в конечном счете сокращает расстояние между автором и читателем (см. также о неоднородной аудитории Пушкина, в которую входят «и интимные друзья, и отдаленные потомки» [Лотман 1995: 476ff.]).

2) В текстах Пушкина наблюдаются ожидаемые статистические «перекосы» отдельных маркеров причины в пользу текстов определенных типов: *ибо* тяготеет к нехудожественной прозе, *потому что* редко встречается в стихах, *затем, что*, напротив, используется только в стихах и т. д. Однако эти перекосы в текстах Пушкина выражены **менее** ярко, чем в текстах его современников.

3) В смысле частотности отдельных маркеров причины Пушкин не был выраженным новатором, а в художественной прозе он оказывается даже умеренным архаистом⁴⁴. В изученной области языковая реформа Пушкина шла не по линии внедрения новых форм, а по линии **синтеза единой системы**. В рамках этой системы жанровые контрасты между маркерами ослабевают и на первый план выходят семантические, прагматические и синтаксические признаки, по крайней мере при конкуренции между тремя самыми частотными маркерами — *ибо, потому, что* и *ведь*.

Весь рассмотренный материал подтверждает идею об изоморфизме между литературной и языковой стороной текстов Пушкина [Успенский 1994: 170]. Сжатый синтаксис фразы коррелирует со смысловой имплицитностью как одним из принципов построения текста (будь то нарратив, лирика или письмо). Исключительное положение (зрелого) Пушкина вне литературных партий — или над этими партиями? — и беспрецедентная широта его жанрового диапазона согласуются с теми наблюдениями, что в текстах Пушкина совмещаются грамматические структуры, которые до этого были относительно четко распределены по жанровым нишам.

Источники

АПСС — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 1–16. М.; Л., 1937–1949; Т. 17. М.; Л., 1959.

Письма — А. С. Пушкин. Письма / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М., 1926: Т. I, 1815–1825; 1928: Т. II, 1826–1830; 1935: Т. III, 1831–1833.

ППЛ — А. С. Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969.

СЯП — Словарь языка Пушкина / Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1956.

⁴⁴ Причинные союзы — не единственный фрагмент грамматики, где Пушкин тяготеет к использованию устаревающих форм. Другие примеры таких явлений обсуждаются в [Русакова 2013: 447–448; Тихомиров 2015: 32, 40; Иткин 2019].

Л и т е р а т у р а

Акимова 2004 — Э. Н. А к и м о в а. Экспликация каузальной обусловленности в древнерусском сложноподчиненном предложении // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2004. № 1. 186–191.

Акопян 2001 — К. С. А к о п я н. Нетривиальные вопросы семантики и прагматики диалогической частицы *ведь* // Русский язык и литература в научной парадигме XXI века. Материалы международной научной конференции / Общ. ред. П. Б. Балаян. Ереван: ЕГУ, 2011. С. 12–19.

Бонно, Кодзасов 1998 — К. Б о н н о, С. В. К о д з а с о в. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. С. 382–443.

Булаховский 1954 — Л. А. Б у л а х о в с к и й. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М.: ГУПИ Министерства просвещения РСФСР, 1954.

Виноградов 1935 — В. В. В и н о г р а д о в. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935.

Виноградов 1941a — В. В. В и н о г р а д о в. Стиль Пушкина. М., 1941.

Виноградов 1941b — В. В. В и н о г р а д о в. Пушкин и русский литературный язык XIX в. // Пушкин — родоначальник новой русской литературы / Ред. Д. Д. Благой, В. Я. Кирпотин. М.; Л., 1941. С. 543–605.

Виноградов 1968 — В. В. В и н о г р а д о в. О трудах Ю. Н. Тынянова по истории русской литературы первой половины XIX в. // Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 5–22.

Виноградов, Шведова (ред.) 1964 — В. В. В и н о г р а д о в, Н. Ю. Ш в е д о в а (ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964.

Винокур 1941 — Г. В и н о к у р. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина // Пушкин родоначальник новой русской литературы / Ред. Д. Д. Благой, В. Я. Кирпотин. М.; Л., 1941. С. 493–541.

Гаспаров 1999/1992 — Б. М. Г а с п а р о в. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского языка. СПб.: Академический проект, 1999. (1-е изд.: Wien, 1992).

Гришина и др. 2009 — Е. А. Г р и ш и н а, К. М. К о р ч а г и н, В. А. П л у н г я н, Д. В. С и ч и н а в а. Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71–113.

Добровольский 2001 — Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1 (1). С. 161–178.

Заика 2019 — Н. М. З а и к а. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 7–32.

Иткин 2019 — И. Б. И т к и н. Новатор Жуковский и архаист Пушкин (два этюда из истории русского поэтического языка) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 4. С. 104–122.

Левкович 1988 — Я. Л. Левкович. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988.

Лотман 1995 — Ю. М. Лотман. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995.

Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Русский литературный язык до и после Пушкина // A. S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands / G. Ressel (Hrsg.). Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2001. С. 97–108.

Пекелис 2017 — О. Е. Пекелис. Причинные придаточные // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории / Отв. ред. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 55–131.

Русакова 2013 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Сай 2020 — С. С. Сай. Причинные союзы у Пушкина // Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология). Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г.) / Сост. Н. М. Заика, С. Б. Клименко, О. В. Кузнецова, М. Л. Федотов. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 129–132.

Тихомиров 2015 — Д. О. Тихомиров. Отражение общезыковых изменений в индивидуальном языке писателей XIX века: корпусное исследование. Курсовая работа студента 2-го курса СПбГУ. СПб.: СПбГУ, 2015.

Тынянов 1926/1968 — Ю. Н. Тынянов. Архаисты и Пушкин // Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 23–121. (1-е изд.: М., 1926).

Тынянов 1928/1968 — Ю. Н. Тынянов. Пушкин // Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 23–121. (1-е изд.: М., 1928).

Успенский 1994 — Б. А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Belyaev 2015 — O. Belyaev. Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination // Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata / P. Arkadiev, I. Kapitonov, Yu. Lander, E. Rakhilina, S. Tatevosov (eds.). Moscow: Languages of Slavic Culture, 2015. P. 35–66.

Kholodilova 2020 — M. Kholodilova. Grammaticalization of multi-word causal subordinators in Slavic languages // Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология). Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г.) / Сост. Н. М. Заика, С. Б. Клименко, О. В. Кузнецова, М. Л. Федотов. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 40–43.

Pekelis 2020 — O. Pekelis. The degree of integration or coordination subordination scale? On the nature of distinctions displayed by Russian causal clauses // Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология). Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г.) / Сост. Н. М. Заика, С. Б. Клименко, О. В. Кузнецова, М. Л. Федотов. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 8–10.

R Core Team 2019 — R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2019 [on-line]. <<https://www.R-project.org/>>.

Say 2021 — S. Say. Nominal causal constructions across Slavic: semantic contrasts in a parallel corpus perspective // Slavia. 90 (2). 2021. P. 183–202.

Статья получена 30.04.2021

SERGEY S. SAY

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
serjzhka@yahoo.com

BICLAUSAL CAUSAL CONSTRUCTIONS IN PUSHKIN'S TEXTS

The paper is focused on the use of causal conjunctions in Pushkin's writings, analyzed against the background of texts written by his contemporaries and other authors. Based on counts from the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru), the overall frequency of explicit causal markers in Pushkin's texts was found to be low (especially if compared to the texts written by earlier authors). In terms of frequencies of individual causal markers Pushkin was not an innovator. Moreover, Pushkin's fiction prose displays somewhat archaic frequencies of causal markers. Pushkin's main innovation was a shift in the factors governing the rivalry between distinct markers. In the earlier epochs, the choice of a conjunction was chiefly driven by style and genre, e.g. prose and poetry had largely distinct systems. By contrast, in Pushkin's writings, genre restrictions notably loosened. Thus, Pushkin significantly contributed to the creation of a unified standard language where the choice between competing causal conjunctions is mainly determined by semantic and syntactic factors.

Keywords: causal constructions, conjunctions, Pushkin, diachrony, corpus, XIX century Russian, prose and poetry.

References

- Akimova, E. N. (2004). Eksplikatsiia kauzal'noi obuslovlennosti v drevnerusskom slozhnopodchinennom predlozhenii. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya*, 1, 186–191.
- Akopian, K. S. (2011). Netrivial'nye voprosy semantiki i pragmatiki dialogicheskoi chastitsy *ved'*. In P. B. Balaian (Ed.), *Russkii iazyk i literatura v nauchnoi paradigme XXI veka. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (pp. 12–19). Yerevan: EGU.
- Belyaev, O. (2015). Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination. In P. Arkadiev, I. Kapitonov, Yu. Lander, E. Rakhilina, & S. Tatevosov (Eds.), *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata* (pp. 35–66). Moscow: Languages of Slavic Culture.
- Bonno, K., & Kodzasov, S. V. (1998). Semanticheskoe var'irovanie diskursivnykh slov i ego vliianie na linearizatsiiu i intonirovanie (na primere chastits *zhe* i *ved'*). In K. L. Kiseleva, & D. Paillard (Eds.), *Diskursivnye slova russkogo iazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniia* (pp. 382–443). Moscow: Metatekst.
- Bulakhovskii, L. A. (1954). *Russkii literaturnyi iazyk pervoi poloviny XIX veka. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis*. Moscow: GUPI Ministerstva prosveshcheniia RSFSR.
- Dobrovol'skii, D. O. (2001). K dinamike uzusa (iazыk Pushkina i sovremennoe slovoupotreblenie). *Russkij iazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(1), 161–178.
- Gasparov, B. M. (1999). *Poeticheskii iazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo iazyka*. St Petersburg: Akademicheskii proekt.
- Grishina, E. A., Korchagin, K. M., Plungian, V. A., & Sichinava, D. V. (2009). Poeticheskii korpus v ramkakh NKRIa: obshchaia struktura i perspektivy ispol'zovaniia.

In V. A. Plungian (Ed.), *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* (pp. 71–113). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Ianko, T. E. (2001). *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*. Moscow: Iazyki slavianskoï kul'tury.

Itkin, I. B. (2019). Novator Zhukovskii i arkhait Pushkin (dva etiuda iz istorii russkogo poeticheskogo iazyka). *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 4, 104–122.

Kholodilova, M. (2020). Grammaticalization of multi-word causal subordinators in Slavic languages. In N. M. Zaika, S. B. Klimenko, O. V. Kuznetsova, & M. L. Fedotov (Eds.), *Prichinnye konstruktii v iazykakh mira (sinkhroniia, diakhroniia, tipologiia). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 28–30 ianvaria 2021 g.)* (pp. 40–43). St Petersburg: ILI RAN.

Levkovich, Ia. L. (1988). *Avtobiograficheskaia proza i pis'ma Pushkina*. Leningrad: Nauka.

Lotman, Iu. M. (1995). *Pushkin: Biografiia pisatel'ia; Stat'i i zametki, 1960–1990: «Evgenii Onegin»: Kommentarii*. St Petersburg: Iskustvo-SPb.

Paducheva, E. V. (2001). Russkii literaturnyi iazyk do i posle Pushkina. In G. Ressel (Ed.), *A. S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands* (pp. 97–108). Frankfurt am Main: Peter Lang.

Pekelis, O. E. (2017). Prichinnye pridatochnye. In V. A. Plungian, & N. M. Stoinova (Eds.), *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo iazyka. Vol. 2: Sintaksicheskie konstruktii i grammaticheskie kategorii* (pp. 55–131). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Pekelis, O. (2020). The degree of integration or coordination subordination scale? On the nature of distinctions displayed by Russian causal clauses. In N. M. Zaika, S. B. Klimenko, O. V. Kuznetsova, & M. L. Fedotov (Eds.), *Prichinnye konstruktii v iazykakh mira (sinkhroniia, diakhroniia, tipologiia). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 28–30 ianvaria 2021 g.)* (pp. 8–10). St Petersburg: ILI RAN.

R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. Wien: R Foundation for Statistical Computing, 2019. Retrieved from <https://www.R-project.org>

Rusakova, M. V. (2013). *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo iazyka*. Moscow: Iazyki slavianskoï kul'tury.

Say, S. S. (2020). Prichinnye soiuzy u Pushkina. In N. M. Zaika, S. B. Klimenko, O. V. Kuznetsova, & M. L. Fedotov (Eds.), *Prichinnye konstruktii v iazykakh mira (sinkhroniia, diakhroniia, tipologiia). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 28–30 ianvaria 2021 g.)* (pp. 129–132). St Petersburg: ILI RAN.

Say, S. (2021). Nominal causal constructions across Slavic: semantic contrasts in a parallel corpus perspective. *Slavia*, 90(2), 183–202.

Tynianov, Iu. N. (1968). *Pushkin i ego sovremenniki* (2nd ed.). Moscow: Nauka.

Uspenskii, B. A. (1994). *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka* (XI–XIX vv.). Moscow: Gnozis.

Vinogradov, V. V. (1968). O trudakh Iu. N. Tynianova po istorii russkoi literatury pervoi poloviny XIX v. In Iu. N. Tynianov (Ed.), *Pushkin i ego sovremenniki* (pp. 5–22). Moscow: Nauka.

Vinogradov, V. V., & Shvedova, N. Iu. (Eds.). (1964). *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo iazyka XIX veka. Izmeneniia v stroe slozhnopodchinenogo predlozheniia v russkom literaturnom iazyke XIX veka*. Moscow: Nauka, 1964.

Zaika, N. M. (2019). Polipredikativnye prichinnye konstruktii v iazykakh mira: prostranstvo tipologicheskikh vozmozhnostei. *Voprosy iazykoznanii*, 4, 7–32.

Received on April 30, 2021